

УДК 1(091)(043.3)+111.1(043.3)+165.62(043.3)

UDC 1(091)(043.3)+111.1(043.3)+165.62(043.3)

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ОНТОЛОГИИ ДРУГОГО В ФЕНОМЕНОЛОГИИ М. БАХТИНА И М. МЕРЛО-ПОНТИ

FORMATION OF THE CONCEPTUAL FIELD OF ONTOLOGY OF THE OTHER IN PHENOMENOLOGY OF M. BAKHTIN AND M. MERLEAU-PONTY

Е. И. Жук,

*кандидат философских наук, старший
научный сотрудник, Институт философии
Национальной академии наук Беларуси
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7869-487X>*

K. Zhuk,

*PhD in Philosophy, Senior researcher,
Institute of Philosophy of the National
Academy of Sciences of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7869-487X>*

Поступила в редакцию 23.10.2024.

Received on 27.09.2024.

В данной статье осуществляется попытка продемонстрировать, что формирование концептуального поля онтологии Другого в работах М. М. Бахтина и М. Мерло-Понти обусловлено онтологическим потенциалом изначальной феноменологической программы. В качестве теоретико-методологических предпосылок рассмотрены феноменологический проект Э. Гуссерля и творчество двух его учеников – М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Намеченный в их работах переход к экзистенциально-онтологической трактовке субъективности предопределяет рассмотрение расположенности в мире, раскрываемой в трех модусах, в качестве основополагающей характеристики экзистенции. Она характеризуется телесно-сознательной размещенностью в мире, погруженностью в мир культуры вместе с Другим и онтологической значимостью понимания. Далее показаны линии преемственности в трансформации понятий интенциональности и intersубъективности и связанных с ними аспектов расположенности, темпоральности и понимания.

Ключевые слова: феноменологическая программа, позитивная онтология Другого, расположенность, интенциональность, intersубъективность, инаковость Другого.

This article attempts to demonstrate that the formation of the conceptual field of the ontology of the Other in the works of Bakhtin and M. Merleau-Ponty is determined by the ontological potential of the initial phenomenological program. The phenomenological project of E. Husserl and the work of two his students, M. Heidegger and H.-G. Gadamer, are examined as theoretical and methodological premises. The transition to an existential-ontological interpretation of subjectivity outlined in their works predetermines the consideration of situatedness in the world, revealed in three modes, as a fundamental characteristic of existence. It is characterized by a bodily-conscious situatedness in the world, immersion in the world of culture together with the Other and the ontological significance of understanding. The article reveals the lines of continuity in the transformation of the concepts of intentionality and intersubjectivity, and the related aspects of situatedness, temporality and understanding.

Keywords: phenomenological program, positive ontology of the Other, situatedness, intentionality, intersubjectivity, otherness of the Other.

Введение. В работах Михаила Михайловича Бахтина и Мориса Мерло-Понти базовые для неклассической философии темы экзистенции, восприятия, понимания, языка называются на ось основополагающей проблемы Другого. Разработка этой проблемы приводит к выстраиванию в творчестве обоих мыслителей так называемой позитивной онтологии Другого (подробнее об этом термине см. статью [1]) вполне феноменологического толка. В данной статье осуществляется попытка продемонстрировать, что формирование концептуального поля для такого позитивно-онтологического видения Другого предвосхищено и обусловлено онтологическим потенциалом

изначальной феноменологической программы, в частности теоретико-методологическими предпосылками, заложенными в феноменологических проектах Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера.

И М. М. Бахтина, и М. Мерло-Понти можно в каком-то смысле, исходя из концептуально-методологической направленности их работ, назвать «учениками Гуссерля», несмотря на то, что слушать лекции основателя феноменологии мог только последний. В историко-философском исследовании, однако, важно прежде всего отслеживать концептуальные взаимодействия, поэтому момент преемственности, несомненно, связывает творчество Бахтина

с феноменологией Гуссерля и Хайдеггера, подтверждением чему служат отсылки к идеям этих мыслителей, в том числе в его архивных записях [2, с. 146]. Как бы то ни было, хотя в Бахтине в последние десятилетия все чаще готовы видеть именно философа и даже феноменолога (здесь можно вспомнить работы Н. К. Бонецкой или современные германоязычные исследования), попытки концептуально связать феноменологические наработки Бахтина и Мерло-Понти все еще достаточно редки. Исключения составляют некоторые специальные исследования: например, исследование М. Гардинера [3] или совместные работы С. Е. Ячина и Н. В. Петраковой [4]. Однако данные философы представляются чрезвычайно близкими по духу, если сконцентрироваться на предложенных ими онтологических версиях Другого.

Основная часть. Формирование концептуального поля онтологических версий Другого в работах Бахтина и Мерло-Понти осуществляется в ходе последовательной экзистенциально-онтологической трансформации базовых понятий исходной феноменологической программы. Именно предпосылки, заложенные в творчестве ее представителей, намечают переход от гносеологизма и субъект-объектной дихотомии классической философии к новому феноменологическому рассмотрению субъективности, в котором расположенность в мире выступает как базовая характеристика экзистенции. Расположенность, характеризующаяся телесно-сознательной размещенностью в мире, погруженностью в мир культуры с рядомположенным Другим и онтологической значимостью смыслополагания и понимания, становится категорией, на базе которой выстраивается онтология Другого. Именно ввод онтологической проблематики в поле неклассической философии вообще и феноменологии в частности есть условие и средство преодоления субъект-объектного дуализма, что позволяет философии рассматривать человека как целое, в единстве его когнитивных и экзистенциальных характеристик.

Отправной точкой всей феноменологической стратегии неклассической философии, несомненно, является проект Гуссерля, который обрел особую популярность, прежде всего, благодаря предложенному феноменологическому методу, принципиальная дескриптивность которого, по В. И. Молчанову, предполагает «отстранение от любых предпосылок, которые не реализуются в опыте» [5, с. 85]. Тем не менее потенциал проекта Гуссерля, по утверждению Дэна Захави [6], заключается и в том тематическом разнообразии, которое обусловило все последующее

развитие феноменологии. Он, И. С. Вдовина, А. Г. Черняков и другие исследователи Гуссерля сходятся во мнении о том, что уже в ранних его работах прослеживается феноменологическая установка на преодоление субъект-объектной дихотомии и утверждение связи человека и мира.

Первоначально экспликации данной связи служило понятие интенциональности, которое должно было обеспечить преодоление разрыва между человеком и миром за счет утверждения того, что содержание сознания определяется его направленностью на нечто. А обращенность сознания на самое себя вследствие прохождения этапов феноменологической редукции подрывала субъект-объектную дихотомию, поскольку сознание оказывалось одновременно как активным субъектом, так и непосредственным объектом рассмотрения. Все же у раннего Гуссерля трактовка интенциональности все еще апеллирует к субъекту как единственной точке исхождения активности и источнику всех интенций. Знаменитый лозунг «К самим вещам!» предполагал, в том числе, отрешение от естественной установки сознания в рамках феноменологической редукции. Однако именно последующая модификация предмета и метода в поздних работах стала частью экзистенциально-онтологического поворота в феноменологических исследованиях. Впрочем, согласно Полю Рикеру, определенный «онтологический разлом» имплицитно присутствовал во всех произведениях Гуссерля.

Наиболее же очевидный вклад в поворот феноменологических исследований в онтологическое русло делает Хайдеггер в программной работе «Бытие и время», говоря о том, что предметом философии на самом деле должно стать бытие как таковое, а феноменология выступить методом его «разыскания». Это, в свою очередь, предопределило «герменевтическое преобразование» феноменологии которое именуют ее радикализацией. Непосредственным предметом разыскания в его проекте выступает именно бытие человека, так как это есть ближайший доступный человеку вид сущего. Э. Левинас отмечал, что именно М. Хайдеггер внес в феноменологию экзистенциально-онтологическое прочтение субъекта, заменяющее гносеологическую версию. Кроме того, предлагаемая М. Хайдеггером герменевтика фактивности изначально предлагает дискурс, противостоящий ретрансляции субъект-объектной оппозиции.

Гадамер также выстраивает свой проект феноменологической герменевтики в экзистенциально-онтологическом ключе, рассматривая ключевое понятие «понимание» как

фундаментальную характеристику экзистенции. Унаследованная от Хайдеггера трактовка «герменевтического круга» и собственно гадамеровская ориентация на диалогическую проблематику в исследованиях языка также противостоят дискурсу субъект-объектного дуализма.

Обозначенная выше нацеленность мыслителей феноменолого-герменевтической традиции на преодоление субъект-объектной дихотомии и гносеологизма приводит их к новому пониманию субъективности, которое фиксируется в терминах «экзистенция» и «экзистирующее сознание», пришедших на смену понятию трансцендентального субъекта. Вместо субъект-объектной дихотомии выдвигается принципиальный для феноменологической философии тезис о расположенности человека в мире. Расположенность, понимаемая как основополагающая онтологическая характеристика экзистенции, реализует себя в трех базовых модусах, к которым относятся: размещенность человека как телесно-сознательной целостности в окружающем мире; смыслополагающая и понимающая активность как необходимый коррелят расположенности в мире; размещенность в мире культуры в принципиальном взаимодействии с Другим. Именно этот тезис о расположенности человека в мире становится отправной точкой всех последующих онтологических построений феноменологической философии. Каждый из перечисленных выше классиков феноменологии вносит свой вклад в обоснование и развитие этого положения.

Во-первых, размещенность человека в мире в качестве единства тела и сознания является базовой очевидностью естественной установки сознания. В своей поздней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль обращается к исследованию «жизненного мира», делая, наконец, значимую методологическую подвижку и заявляя о необходимости естественной установки для процесса смыслополагания. Уже Гуссерль выдвигает тезис о расположенности человека в мире, которая в его концепции фиксируется, прежде всего, в факте вотелесненности сознания и телесно-сознательной размещенности человека в мире. На обоснование тезиса о размещенности человека в мире нацелены не только концепты естественной установки и жизненного мира, но и понятия горизонта и так называемого живого тела как точки исхождения всех экзистенциальных актов. Хайдеггер, исследуя условия бытия экзистенции, создает собственную философскую терминологию, в которой фиксирует специфику человеческого бытия как расположенного в мире. Прежде всего, хайдеггеровский термин *Dasein*,

которым он обозначает бытие человека, сам сформулирован как некое указание на принципиальную расположенность человека «здесь», в мире: феноменология же выявляет экзистенциалы как фундаментальные условия человеческого бытия. Свою трактовку тезиса о расположенности человека в мире дает и Гадамер, разделяя, вслед за Гумбольдтом, два пространства человеческого бытия: «окружающий мир» и «мир», который человек осваивает, «ставит перед собой» в языке.

Вторым модусом, в котором реализуется расположенность человека в мире, является фундаментальное значение смыслополагания и понимания для бытия экзистенции. В феноменологии Гуссерля «интенциональность есть акт придания смысла, *Sinngebung*» [7, с. 108]. Хайдеггер в качестве одного из базовых «экзистенциалов» называет понимание, неразрывно связанное с модусом телесно-сознательной размещенности человека в мире. Гадамер в «Истине и методе» фиксирует принципиально языковое отношение человека к миру, разворачивающееся в смыслополагании и понимании, единство языковой способности и мышления и «естественность» речевого выражения для человека.

Наконец, третьим значимым модусом расположенности человека в мире является погруженность Я в мир культуры в принципиальном сопричастии с Другим. Это сопричастие рассматривается Гуссерлем, Хайдеггером и Гадамером в терминах интерсубъективности, жизненного мира, события с другими и языкового мира. Проблематизация интерсубъективности приводит Гуссерля к формулировке основополагающих для феноменологии характеристик субъективности, которые, в свою очередь, инспирируют обращение к фигуре Другого. К ним, в частности, относится идея о Я как временном потоке. Гуссерлевский «жизненный мир» намечает переход к пониманию Другого как конкретного живого сопричастия. Хайдеггер вводит еще один экзистенциал: «со-бытие с другими», хотя и рассматривает Другого – во всяком случае, в повседневности – как деиндивидуализирующий аспект влияния на субъективность. Именно Хайдеггеру последующая феноменологическая философия обязана открытием двойственного характера дружности: постоянно сопричастующей, но и сокрытой, как в экзистенциальном, так и социальном планах. Гадамер исходит из общности языкового отношения, а значит, общечеловеческой герменевтической позиции по отношению к миру.

Трансформация концептов феноменологической программы в работах Бахтина и Мерло-Понти приводит к фиксации базовых характеристик субъективности в таких концептах, как

уникальное место-в-бытии, переплетение-хиазм, междумирие, поступание, позиция свидетеля и судии, малое и большое время, хронотоп и событийность существования. Дальнейшее акцентирование экзистенциально-онтологической трактовки субъективности у данных мыслителей предопределило переосмысление в онтологическом ключе основополагающего понятия феноменологического проекта Гуссерля – интенциональности. Это во многом инспирировано возвращением естественной установки сознания в пространство феноменологического рассмотрения. Переход от гуссерлианской эпистемологической трактовки интенциональности сознания как необходимого условия конституирования смысла к рассмотрению онтологической связи Я и мира предполагает трансформацию понятия интенциональности в концепт переплетения-хиазма у Мерло-Понти. Выступая против психологизма в трактовке восприятия, он погружается в проблематику телесности и исследует восприятие (как более универсальный по отношению к понятию интенциональности феномен) в контексте онтологического переплетения «Я-Другой-мир». В трудах Бахтина понимание интенциональности также выходит за границы эпистемологии и трансформируется в утверждение о смыслополагании как активном поступании человека, исходящем из уникального места-в-бытии и предполагающем принципиальную ответственность, поскольку человек поставлен по отношению к миру в позицию «свидетеля и судии». Отталкиваясь от утверждения телесной и сознательной расположенности человека в мире, оба мыслителя фиксируют уникальность такой расположенности и обоюдонаправленность человека и мира.

В свою очередь, понятия междумирия у Мерло-Понти и событийности у Бахтина выступают в качестве онтологического аналога концепта интересубъективности, предполагавшего в феноменологическом проекте Гуссерля изоморфность и взаимозаменяемость Я и Другого. Это позволяет зафиксировать как пространственно-темпоральный (хронотоп), так и телесно-сознательный (расположенность) элементы включенности человека в мир. В том числе и гуссерлианская трактовка концепта темпоральности как внутреннего сознания времени трансформируется в концепты событийности и малого и большого времени человеческой жизни, подчеркивающие конечность телесной природы человека и бесконечность интенций сознания, которое стремится превзойти малое время существования. Идея о междумирии у Мерло-Понти и понимание Бахтиным мира как со-бытия и как вершащегося события предполагают необходимость со-

присутствия с Другим и сопутствующую этому соприсутствию ответственность поступания.

Во многом основанная на проблематизации телесности работа обоих мыслителей с гетерологической терминологией – *Ineinander* («переход одного в другое») у Мерло-Понти и «дистанция внеаходимости» у Бахтина – предопределила тот факт, что онтология Другого в их теориях основывается на инаковости как базовой характеристике Другого. Междумирие и «мир как событие» основаны на тезисе о соприсутствии уникальных Я и Другого в общем мире. Фиксация смыслополагания и понимания в качестве онтологических характеристик субъективности также отсылает к утверждению о принципиальной необходимости Другого, обладающего собственным хронотопом существования, принципиальной инаковостью и дистанцией внеаходимости по отношению к Я.

Наконец, языковая способность, занявшая столь значимое место в творчестве обоих мыслителей, будучи предопределенной онтологической связкой «Я-Другой-мир», одновременно понимается и как условие осуществления смыслополагающей активности и понимания, и как актуализация человеческой способности к конституированию новых смыслов о мире. Отчасти сходно с идеями Гадамера [8], здесь – в гетерологическом ключе – утверждается принципиальность вопрос-ответной структуры для осуществления понимания, что означает необходимость рассматривать языковую способность в контексте ее изначальной направленности к Другому.

Мерло-Понти и Бахтин, предлагая свои версии позитивной онтологии Другого, сходятся на том, что для человека должно быть естественно стремление навстречу Другому и персонализирующее отношение к Другому. Несмотря на возможность монологизации сознания, концентрация человека на собственной смыслополагающей активности в ущерб усмотрению онтологической связи с Другим не продуктивна. Объективация Другого – это ловушка конституирующего сознания, которая лишает Я здравого восприятия реальности, характерного для естественной установки сознания, и возможности актуализации человеческой сущности в сотворчестве с Другим.

Заключение. Намеченный в феноменологических проектах Гуссерля, Хайдеггера и Гадамера переход к экзистенциально-онтологической трактовке субъективности предопределяет рассмотрение расположенности в мире, раскрываемой в трех модусах, в качестве основополагающей характеристики экзистенции. Адаптируя данные феноменологические установки и предлагая на их основе концептуальный аппарат для исследования экзистенции,

Бахтин и Мерло-Понти выстраивают собственные версии онтологии Другого. Эта трансформация базовых понятий исходной феноменологической программы включает в себя осуществляемый на основе введения естественной установки в структуру феноменологического метода переход от понятия интенциональности сознания как необходимого условия конституирования смысла чистым Эго к утверждению неразрывной онтологической связи Я и мира – переплетения-хиазма. Онтологическое прочтение понятия интенциональ-

ности также акцентирует тезис о смыслоположении как активном поступании, укорененном в уникальном месте-в-бытии и предполагающем необходимость ответственности. Понятие intersubjectивности расширяется до концептов междумира и событийности как обозначения уникальной пространственно-темпоральной включенности человека в мир, что, в свою очередь, отсылает к утверждению позитивной роли со-присутствия Другого, обладающего принципиальной инаковостью и дистанцией внаходимости по отношению к Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жук, Е. И. Онтология Другого в пространстве философско-культурологических исследований / Е. И. Жук // Философские исследования. – 2023. Выпуск 10. – С. 249–259.
2. Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования : сб. ст. / под ред. Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтмана, А. Садецкого. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2013. – 183 с.
3. Gardiner, M. E. "The incomparable monster of solipsism": Bakhtin and Merleau-Ponty / M. E. Gardiner // Bakhtin and the human sciences: no last words / ed.: M. E. Gardiner and M. M. Bell. – London, 1998. – Ch. 9. – P. 128–144.
4. Петракова, Н. В. Эстетика внаходимости М. М. Бахтина в перспективе постгуссерлианской феноменологии / Н. В. Петракова, С. Е. Ячин // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2024. – № 7(2). – С. 176–198.
5. Молчанов, В. И. Феноменология / В. И. Молчанов // Современная западная философия. Энциклопедический словарь ; под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова. – М. : Культурная революция, 2009. – С. 84–87.
6. Zahavi, D. Phenomenology of Self [Electronic resource] / D. Zahavi // Mode of access: https://www.academia.edu/10101389/Phenomenology_of_self (date of access: 12.10.2024).
7. Вдовина, И. С. Э. Левинас и Э. Гуссерль / И. С. Вдовина // История философии. – 2003. – № 10. – С. 101–115.
8. Шестова, Е. А. Феноменология «логики вопроса и ответа» / Е. А. Шестова // Вопросы философии. – 2022. – № 1. – С. 148–158.

REFERENCES

1. Zhuk, E. I. Ontologiya Drugogo v prostranstve filosofskokulturologicheskikh issledovaniy / E. I. Zhuk // Filosofskie issledovaniya. – 2023. Vypusk 10. – S. 249–259.
2. Bahtinskij tezaurus. Materialy i issledovaniya : sb. st. / pod red. N. D. Tamarchenko, S. N. Brojtmana, A. Sadeckogo. – M. : Rossijsk. gos. humanit. un-t, 2013. – 183 s.
3. Gardiner, M. E. "The incomparable monster of solipsism": Bakhtin and Merleau-Ponty / M. E. Gardiner // Bakhtin and the human sciences: no last words / ed.: M. E. Gardiner and M. M. Bell. – London, 1998. – Ch. 9. – P. 128–144.
4. Petrakova, N. V. Estetika vnahodimosti M. M. Bahtina v perspektive postgusserlianskoj fenomenologii / N. V. Petrakova, S. E. Yachin // Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog. – 2024. – № 7(2). – S. 176–198.
5. Molchanov, V. I. Fenomenologiya / V. I. Molchanov // Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Enciklopedicheskij slovar' ; pod red. O. Heffe, V. S. Malahova, V. P. Filatova. – M. : Kul'turnaya revolyuciya, 2009. – S. 84–87.
6. Zahavi, D. Phenomenology of Self [Electronic resource] / D. Zahavi // Mode of access: https://www.academia.edu/10101389/Phenomenology_of_self (date of access: 12.10.2024).
7. Vdovina, I. S. E. Levinas i E. Gusserl' / I. S. Vdovina // Istoriya filosofii. – 2003. – № 10. – S. 101–115.
8. Shestova, E. A. Fenomenologiya «logiki voprosa i otveta» / E. A. Shestova // Voprosy filosofii. – 2022. – № 1. – S. 148–158.